

БІБЛІЯТЭКА САЮЗА ПІСЬМЕННІКАЎ БЕЛАРУСІ
БИБЛИОТЕКА СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ БЕЛАРУСІ

Олег ЖДАН-ПУШКИН

ОАЗИС

ПОВЕСТИ
РАССКАЗЫ

МИНСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЧЕТЫРЕ ЧЕТВЕРТИ»
2019

УДК 821.161.1(476)-1
ББК 84(4Бел=Рус)-5
Ж42

Ждан-Пушкин, О. А.

Ж42 Оазис : повести, рассказы / Олег Ждан-Пушкин. — Минск :
Четыре четверти, 2019. — 316 с. — (Библиотека Союза писате-
лей Беларуси).

ISBN 978-985-581-159-7.

Книга «Оазис» посвящена жизни малого белорусского города. Однако события, которые стали ее содержанием, связаны с общей историей нашей Родины: жизнь человека в первые годы после Великой Отечественной войны, после Чернобыльской катастрофы, начало так называемой «перестройки»... И как в нашей повседневной жизни, есть на ее страницах смех и слезы, печаль и надежда, вера в человека и его будущее.

**УДК 821.161.1(476)-1
ББК 84(4Бел=Рус)-5**

ISBN 978-985-581-159-7

© Ждан-Пушкин О. А., 2019
© Оформление. ОДО «Издательство
“Четыре четверти”», 2019

СТРАННИК

Повесть

Город наш стоит без малого тысячу лет, простоит, может быть, еще столько же, ничем не выделяясь среди других, таких же незаметных, тихих. Имя его за эту тысячу лет ни разу не привлекло внимания мира, вряд ли привлечет и впредь: ни полезных ископаемых в окрестностях, ни важных дорог, ни рукотворных морей — в этом счастье его и беда. Сто лет назад город был центром воеводства. Но возвысился неподалеку другой — промышленный, многолюдный. Впрочем, возвысился, но не унизил. Городам, как и людям, каждому свое.

В центре города белеет двухкупольная церковь Александра Невского — в шестидесяти годах в ней прекратилось богослужение, конечно, по воле партии, но и как бы общественности, дескать, ввиду уменьшения числа верующих. Сперва там устроили спортивный зал, но дух спорта оказался чуждым архитектуре, то есть духу культа. После нескольких лет мерзости запустения церквушку облюбовала районная контора «Заготзерно».

Крестовоздвиженская церковь прекратила существование до Великой Отечественной по тем же примерно причинам. В ней обосновалась мельница: «Хлеб наш насущный даждь нам днесь». Третий православный храм — Свято-Троицкий — перестал действовать уже и неведомо когда, но во время войны было найдено для него особое применение: складировали одежду расстрелянных евреев.

Имеется католический костел — память влияния и власти Речи Посполитой. Костел этот в свое время объявили архитектурным памятником, решили реставрировать. Набрали рабочих, обнесли строительными

лесами, бодро взялись за дело. Злые языки говорят, что давно уже требуется восстанавливать сами леса. Злые, как всегда, неточны и несправедливы.

На территории бывшего мужского монастыря, от которого ныне остались останки стен, расположился маслозавод.

Был в свое время в городе Соборный Николаевский храм, долгое время после войны служивший районным Домом культуры, тоже, однако, пришедший в полное запустение.

Есть следы более глубокой древности — Замоквая гора, оборонительные рвы, горки.

Интересно было бы дожить до того времени, когда все это объявят архитектурными памятниками.

Но коротка жизнь.

На окраинах города мирно и добросовестно дымили в голубое небо три заводика — кирпичный и по переработке льна. Ну и, конечно, спиртзавод. Не без этого.

Вот, пожалуй, и все.

Ах, да. Некоторое время назад на западной окраине города, рядом с черемуховой деревенькой Лютня, появился вагончик. Позже возникли какие-то стены. Осторожно выдвинулась труба.

Весной, когда вдруг подует западный ветер, все жители города одновременно повернутся к нему, глубоко вдохнут: цветет в Лютне черемуха!

Сладкими, беспокойными волнами ходят запахи, о чем-то напоминают, куда-то зовут...

А вот однажды вдохнули и... Что это? Отчего? И что там за вагончик уверенно коптит на окраине? Уж не адова ли контора по найму? Ага, понятно: асфальтобетонный завод. Прошло пять-десять лет и — как без него жить городу? Никак. Двадцатый век.

Оставим эту тему. Поговорим — традиционно — о людях и о земле.

Земля в окрестностях города плодородная, небо не скупо на дожди и солнце — люди не бедствуют в нем.

А люди живут здесь приветливые, с твердым пониманием добра и зла, смешного и серьезного, безобразного и прекрасного. Относятся они к своему городу разное: одни говорят, что лучшего места на земле нет и не надо, другие — хуже нет и не надо.

А я иной раз, в порыве сентиментальности на досуге, размышляю о другом: не являются ли они, такие городки, чем-то вроде малых источников с той чистой водой, из которых вырастают реки?

Городок этот — моя родина, а о родине всегда хочется сказать больше и лучше, чем она, быть может, заслуживает.

А написал я все это для того, чтоб вы поняли: мой город не хуже, чем тот, в котором родились или живете вы. И это лишь присказка. Рассказ впереди. Хотя я и не знаю, как подступиться к нему...

Вот, например, имеются в городе свои знаменитости — не обязательно преуспевшие в обществе люди. Пожалуй, наоборот... С детства я привык слышать анекдотические рассказы, точнее, замечания, реплики о неких Митяе-лентяе, Андрюхе-горюхе, Лёньке-шпоньке, Сашке-плюе, близнецах Тишке-Гришке и некоторых иных. В особенности об Андрюхе, которого я почему-то не знал. А к тому времени, когда заинтересовался им, Андрюха давно пропал.

Говорили то о его жадности, то о нелепой щедрости, то об уме, то о конечной глупости. Как ни странно, одно не исключало другое и складывалось в некий образ. Однако, когда я — уже из вполне корыстных побуждений — попытался воссоздать для себя его внешний облик, он оказался слишком противоречивым: одни говорили, что Андрюха был рыжим, другие — конопатым, третьи — маленького

росточка, четвертые — прихрамывающим, пятые — святошей, шестые — пьянчужкой, седьмые...

Похоже, что имели на памяти разных людей, такое изобилие примет не может быть свойственно одному человеку.

Я оставил затею написать о нем.

Но однажды в столовой железнодорожной станции, что в двадцати километрах от города, где я ожидал автобус, появился маленького росточка мужичок, рыжий, конопатый, прихрамывающий, явно навеселе.

— Котлета почему? — спросил бойко.

— Тридцать семь копеек, — ответила буфетчица.

— А гарнир?

— Пять.

— А подливка?

— Бесплатно.

— Ну-ка, налей мисочку подливки!

— Ты, Андрюха, — сказала буфетчица, — или заказывай, или...

— Щи!

— Одну порцию или две?

— Две!

— Котлету одну или...

— Две!

— Компот?

Сел и все съел. Опять подошел к буфетчице.

— Налей-ка стаканчик дуроты!

— Ты, Андрюха, и пьешь, как немец, после обеда.

— Конфет вон тех, красненьких, граммов сто.

— Может, двести?

— Давай... — опять согласился.

Одну отправил в рот, остальные — в карман.

В наилучшем состоянии духа вышел на крыльцо столовой, задымил папироской.

— Эй, мальцы! — окликнул игравших рядом детей. — А ну сюда!

Щедро сыпнул в грязные ладошки конфеты.

Один из «мальцов», рыжий и синеглазый, не подошел, лишь весело смотрел издалека.

— А ты что? А?

Парнишка улыбнулся, посмотрел на друзей.

— Он немой, дядя! — крикнули хором. — Глухой!

Подбежал наконец, остановился.

— Немтурок, значит? Ладно. Держи!

Парнишка опустил синие глаза, то ли не доверяя, то ли смущаясь. Так и стояли друг против друга. Тут мужчину окликнули с другой стороны улицы, и он пошагал на голос веселой, ныряющей походкой.

Однако молод был этот Андрюха — лет сорока.

Спустя некоторое время я снова попытался восстановить облик и образ того — из детства — Андрюхи. Но прошли годы, и многие забыли о нем.

Вот простая история, которую мне удалось составить из свидетельств очевидцев, слухов и своих домыслов.

Путники

Первое, что приходит в голову захавшему или забредшему в чужой город человеку — где поесть и переночевать? Для нашего героя такой вопрос не существовал. Где поесть? Там, где застигнет голод. Где ночевать? Там, где застанет ночь. Правильнее было бы спросить, что поесть? Однако и это риторический вопрос: то, что сохранилось в котомке. Знающему ответ любой вопрос кажется риторическим. Благодарением Богу — котомка была не совсем пуста. А если учесть, что город не чужой нашему герою, можно считать, не ожидалось никаких проблем.

Лицо его украшала пушистая рыжеватая борода, не слишком ухоженная, отпущенная, конечно, не из эстетических соображений, а единственно ради

удобства. Встарь такие бородки носили юродивые, богатыри и святые, то есть люди, не особенно заботившиеся о себе. Но самыми примечательными на его лице были глаза — свидетели утверждают, что ни с чем, кроме полевых васильков, сравнивать их нельзя.

Время сообщить, что шел он не один — вел за руку мальчика шести-семи лет, плывшего веселым золотым цветом вьющихся до плеч волос. Весеннее солнышко щедро и любовно бросило на нос щепоть нежных веснушек, а глаза у него тоже были синие, и мы опять сравним их с парой васильков, но не затерявшихся в далекой ржи, как у старшего, а с придорожными, что обнаруживаешь с опаской у сапога или колеса.

У старшего тоже были веснушки, но другой поры, осенней, — вроде горстки подсохших зерен льна.

Стоял майский полдень. Светило солнце, сияло небо. Пели птицы в пушистых деревьях, и ласкала ступни молодая трава. Но, видимо, путники наши шли давно и долго, если не обращали внимания на окрестное великолепие. Пожалуй, оно изрядно приелось и наскучило им.

Дорога к городу пролежала через холмы. И когда поднимались на последний, за которым должен был открыться город, на лице старшего отразилось волнение, сомнения. Однако еще шаг и — блеснули под изумрудным небом два креста, две маковки, выперлась отрадная глазам пожарная каланча.

— Стоит! — сказал старший и остановился, захихикал, отыскивая другие приметы.

Относились замечание и смешок к церкви, каланче или вообще к городу, остается неизвестным. Думаю, не смог бы ответить на суровый вопрос и сам герой — многие люди, автор в том числе, нервно смеются и неприлично хихикают там, где другие молчат или плачут.

Малец тоже понял, что они у цели, и глядел на открывшуюся картину во все глаза.

Внизу искрилась речка. Сейчас она доживает, похоже, последнее столетие своей жизни, но тогда, в 1946-м, такие мыслишки не приходили в голову — она была чиста, свежа и весело бежала к возлюбленному Сожу. Путники спустились к ней, испили пригоршнями воды, омыли лица. А когда заглянули в торбу, их одинаковые глаза еще повеселели. Что ни говори, а никакая красота не радует душу так, как красота хлеба и сала. Я говорю — *красота*, поскольку путники и прежде знали, что есть в котомке, знание это обнадеживало обоих, но не воодушевляло: перед тем как снять торбу с плеча и развязать шнурок, оба выглядели притомленными. А развязали, заглянули в страшноватую темень, увидели *красоту* и улыбнулись друг другу, даже засмеялись вслух. Старший с хитрой улыбочкой, в которой, однако, опять промелькнуло беспокойство, запустил руку на дно и, пошарив там и взглядом ответив на взаимную обеспокоенность малыша, с видом фокусника вытащил из котомки нож-самоделку с рукоятью, обвязанной тряпицей, а за ним и хлеб с салом. Причем у обоих в лице было выражение, будто фокус настоящий, будто показывает его сама торба, а не он, Андрюха Соловей, и никто не знает, что вытащит рука.

Сказать, что была изготовлена котомка из того же материала, из которого шьют скатерти-самобранки, нельзя. Но, как доказано, обрадовала путников не сущность, а *красота*. В противном случае они, наоборот, не обрадовались бы, а огорчились, поскольку и невооруженным глазом было видно, что если хватит на обед, то не хватит на ужин, да и неясно, хватит ли на обед. Однако, опять же важно, — кроме *красоты*, конечно, — не то, что чувствуешь, голод, например, а что имеешь. Оба они имели опыт, который гласит: «Бог даст день, Бог даст пищу».

Итак, покончив за несколько минут с противоречием сущности и красоты, наши герои еще раз попили воды из чистой реки и живо пошагали дальше.

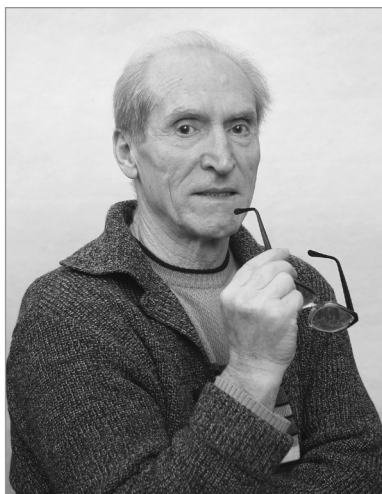
К сожалению, с этого момента следы их временно затерялись. Автору пришлось немало повидать и понаблюдать людей, чтоб снова напасть на них. Трудно сказать, почему. То ли было в этом городе много подобных следов — и они тотчас слились, совпали, то ли уставший герой сбился с ноги, то ли у автора глаза поначалу плохо разбирали, где чьи отметины — требовались время и терпение разобраться в них.

Слухи

Обнаружить Андрея Соловья мне удалось примерно через месяц после его торжественного прибытия. Я уже начал помышлять о том, чтобы бросить неблагодарный труд, неизвестно зачем предпринятый, куда ведущий, ничего автору не сулящий; мало ли кто мог приближаться к городу тем ясным майским днем, мало куда мог свернуть, полюбовавшись и подкрепившись, да и затеряться в городке с десяти тысячным населением тоже несложно. И что за герой, чтобы так уж искать его? Без роду, без племени, без социальной определенности... Так, пожалуй, и затерялся бы, если бы не рыжие кудри, синие глаза да звонкий голос — приметы если не легкой жизни, то веселого нрава. Может, и сгинул бы, кабы не малец рядом с ним с точками цветочной пыльцы на бледной рожице. Или кабы не...

Одним словом — нашелся!

Поначалу доходили о нем только слухи. Ну, например, будто, поднимаясь на холм, на котором расположился город, встретил женщину по кличке Самовариха, известную неуживчивостью, сварливостью. Шла она от криницы, несла воду на коромысле.

Ждан-Пушкин Олег Алексеевич прозаик, сценарист, драматург, переводчик. Родился в 1938 г. в Смоленске. Окончил Могилёвский педагогический институт, Литературный институт им. М. Горького, Высшие курсы сценаристов и режиссеров Госкино СССР. Работал на Братском лесопромышленном комплексе, на Минском тракторном заводе, на киностудии «Беларусьфильм», в редакциях журналов «Всемирная литература», «Нёман». Публиковался в журналах «Нёман», «Юность», «Новый мир», «Дружба народов», «Знамя» и др. Автор книг: «В гостях и дома», «Знакомый», «По обе стороны проходной», «Князь Государыня. Епископ», «Белорусцы», «Гений» и др.

Живет в Минске.

СОДЕРЖАНИЕ

СТРАННИК (<i>Повесть</i>)	3
Путники	7
Слухи	10
Челобитый	15
Явление Соловья	21
Легенда о серебряном рубле	25
Григорий Царьков и Яков Пустыльцев, плотники.	30
Андрей Соловей	37
Беда	43
Новое жилище	50
Федя, нормальный человек	56
Степан Субботин, печник	61
Базар	64
Тишок	66
Игнатий Андреевич Неведомский, учитель	69
Елка	73
Савельевна, соседка	75
Весна	77
Аня	84
Поцелуй	92
СЕМЕЙНЫЙ ВЕЧЕР (<i>Повесть</i>)	98
«За быками»	99
Отец	106
Улыбка на загадочном лице	112
Адам и Ева	119
Патефон	128

Казнь	136
«В стремени привстал...»	145
«...И деткам вашим, и скотинке вашей»	151
Гость	156
ОАЗИС (Советские рассказы)	164
Заклинило	165
Будет	177
На острове	188
По семейным обстоятельствам	197
Телевизор	203
Впотьмах	213
Есть человек!	222
Слухи	234
Партия победила	242
Русский, немец и поляк танцевали краковяк . .	251
НАДО ТЕРПЕТЬ	
<i>(Сюжеты белорусско-русского порубежья)</i>	261
Ха-ха!	261
Батрак	263
Семейная верность	266
Ни в раю, ни в пекле	274
Крещение	274
Пожалеешь!	276
Тринадцатая невеста	278
Толян и Сергеевна	281
Пожар	288
Больше не пью	294
Баня	296
Дом за оврагом	299
Надо терпеть	310
Об авторе	313